

KOTAVA Tela Tamefa Golerava

Piskura : Kotava.org gesia ~ ~ www.kotava.org

Aleksandr Neverov

DJUKUBLÍ

Verpotam
(1923)

Kalkotavaks : Damien Etcheverry (2016)

*Александр Сергеевич Неверов
Я хочу жить*

*Рассказ
(1923)*

Преобразователь : Дамян Эчевери (2016)

Я хочу жить	Je veux vivre	Djukublí
<p>...Мы на отдыхе в степной деревушке.</p> <p>Я сижу на завалинке, глажу по спине большую лохматую собаку. Она шершавая, некрасивая, но длинная шерсть на спине у нее выгрета солнцем, и мне приятно сидеть, слегка наклонившись над ней.</p> <p>С крыши на плечо падают редкие капли, на задворках порывисто вскрикивают гуси. Ржет жеребенок тоненьким голосом, клохчут куры.</p> <p>Перед окнами стоят отпряженные пушки, вытянув стальные холодные шеи. Потные лошади в седлах журкают сено.</p> <p>Я сижу, подставив голову под апрельское солнце, смотрю на разорванную паутину голубеющих облаков, пливших над талой, почерневшей землей. Уши мои не оглохли от пушечных выстрелов: слышу, как порывисто вскрикивают гуси, весело клохчут курчошки, тихо, осторожно падают редкие бесшумные капли ко мне на плечо.</p> <p>Это моя походная весна.</p> <p>Может быть, последняя...</p> <p>Вслушиваюсь в шорохи, в крики, встречающие молодую апрельскую весну -</p>	<p>Nous sommes au repos dans le petit village de la Steppe.</p> <p>Je suis assis sur le remblai de terre près de l'Izba et je caresse le dos d'un grand chien aux longs poils rugueux. Il n'est pas beau, mais la longue laine de son dos est toute chauffée par le soleil, et il m'est agréable de rester assis ainsi, légèrement penché vers lui.</p> <p>Du toit tombent sur mon épaule de rares gouttes d'eau. Dans l'arrière-cour les oies lancent des cris par saccades. Un poulain hennit d'une voix fluette ; des poules gloussent.</p> <p>Devant les fenêtres se dressent des canons dételés, étirant leur cou d'acier froid. Les chevaux sellés, couverts de sueur, mâchonnent du foin.</p> <p>Je suis assis, la tête exposée au soleil d'avril, je regarde la toile d'araignée déchiquetée des nues bleuissantes qui voguent au-dessus de la terre dégelée et noircie. Mes oreilles ne sont pas devenues sourdes à cause des coups de canon ; j'entends comment des oies lancent des cris par saccades, comment les poulettes gloussent gaiement, comment les gouttes rares et sans bruit tombent doucement prudemment sur mon épaule.</p> <p>Ceci est mon printemps de campagne guerrière.</p> <p>Peut-être le dernier.</p> <p>J'épie le frôlement, les cris, qui saluent le jeune printemps d'avril. Mon cœur s'agite.</p>	<p>... Koe widama ke rijust tildewev.</p> <p>Moe tawafo piexo debanyé ise va ge ke vakolap dem tcurtaf imap santá. In me tir listaf, v oxen abrotcafa bayna ke ge tir idulanyafa gu awalt numen batinde debanyeson is xowamason van in puvegú.</p> <p>Riaf lavolk mal kepaita mo jinafa epita lubed ; goyol koe ciastoaxo ton vailu ied. Okoloc kan pudama kizoyur ; wilya kiped.</p> <p>Kabdue dilk, volsorkayani buli divimpasi va fentafa azilafa berga tigid. Milostayan okol furovepes va nak roxanadad.</p> <p>Debanyé, ton taka vane awaltara ke balemeaksat, va paptayen vartebak ke tufaltawes rujod ezas vamoe bicayasa is tuebeltaweyesa tawa disuké. Jinaf oblakeem gan bulira me al zo tuxadar ; gildé inde goyol ton vailu ied, inde wilya itupon kiped, inde melorason riaf lavolk mo jinafa epita zijnon is tranodon lubed.</p> <p>Batcoba tir jinaf imwugal ke gejatawuk.</p> <p>Rotir tel bocaf.</p> <p>Va kactara is kizoyu kiavasus va jotaf imwugal ke balemeaksat ulijdá. Takra tegulawer.</p>

сердце волнуется...

Дома - жена, двое детей. Маленькая комнатка в нижнем этаже, чуткие, настороженные уши, хватающие поздние шаги на лестнице. Там ждут меня.

Может, схоронили давно.

Посматривая на ручеек под ногами, на воробьев, прыгающих у лафетов, вижу сына Сережку, с бледными, малокровными щеками, трехлетнюю Нюську с голубенькой ленточкой в золотых перепутанных волосах. Они сидят на подоконнике, прижавшись друг к другу, смотрят сквозь талые окна. Ищут меня среди прохожих, ждут, когда приду, посажу на колени к себе. И две опечаленных мордочки наливают мне сердце отцовскою горечью...

Достаю из кармана старое, давно прочитанное письмо. Жена утешает меня: "Я не плачу... Крепись и ты..."

А когда уходил из дому, она говорила:

— Зачем ты идешь добровольно? Разве тебе надоела жизнь?..

À la maison j'ai une femme et deux enfants. Une petite chambrette au rez-de-chaussée, des oreilles fines, aux aguets, qui épient les pas tardifs sur l'escalier. On m'y attend.

Peut-être m'ont-ils enterré depuis longtemps.

Tout en regardant le ruisselet sous mes pieds, les moineaux qui sautillent près des affûts, je vois mon fils Seriojka avec ses joues pâles et anémiques ainsi que la petite Nionschka qui a trois ans et un petit ruban bleu ciel dans les cheveux mêlés, couleur or. Ils sont assis sur le bord de la fenêtre, serrés l'un contre l'autre et ils regardent à travers les vitres qui dégèlent. Ils me cherchent parmi les passants, ils attendent le moment où je viendrai et les mettrai sur mes genoux. Et les deux petits museaux affligés remplissent mon cœur d'une amertume paternelle.

Je retire de ma poche une lettre vieille, depuis longtemps relue, qui me fut envoyée de chez moi. Ma femme me console.

— Je ne pleure pas, tiens ferme, toi aussi...

Et avant mon départ, elle me disait :

— Pourquoi y vas-tu volontairement ? As-tu assez de la vie ?

Je craignis que la femme ne puisse pas comprendre mon amour pour la vie.

Et je réponds prudemment :

— Je dois aller et j'irai... voilà, pour eux, pour les petits gosses.

Deneon kurenik is toloy nazbeik tigid. Mawama koe sidot, konak pitcas oblakanyeem ulijdas va gavefa bora mo fogelom. Va jin ked.

Rotir va jin valevion al kotawad.

Disukeson va titeon voama is proklami grabledasi poke olitc, va Seryojka nazbeye dem zwaf is forteyenjaf tcoreem is bardafa Nyuska velya dem keltukafa vinotcama koe kograf moavukaf usuk wí. Sin moe doma ke diilk debanyed, va sint licas, ise rem bicasa ralpa disuked. Va jin vanmiae lanisik aneyad, va gemelt ked viele lanití aze mo badeeem plekutú. Isen toloy vanmanan pezay va jinafa takra gu gadafa piruca tukotrad.

Va guazafa twa divucomá, i va twa jontikviele beliyina. Kurenik va jin vinur : « Me boré... acagickil, dere !!!...»

Ise ba jinafa mallapira, kaliyir :

— Tokdume ins lapil ? Kas va blira tabil ?

<p>По щекам у нее покатались слезы.</p> <p>Были в них горе, любовь и страдание, а ноги мои не дрожали.</p> <p>Теперь жена ободряет: "Не бойся за нас; я терпеливая, все вынесу..."</p> <p>Дальше - письмо от Сережки.</p> <p>Он не умеет писать буквами, наставил палочек, хвостиков, крючков, завитушек, маленький растопыренный кустик без листьев.</p> <p>Внизу пояснение от матери: "Понимай, как хочешь..."</p> <p>Я понимаю Сережкины буквы.</p> <p>Первый раз я прочел письмо в походе, когда шли в наступление, и эти палочки с хвостиками посмотрели на меня светлыми укрепляющими глазами. Я поцеловал их украдкой, чтобы не посмеялись товарищи, и, пощупав винтовку, сказал:</p> <p>— Иди, отец!.. Иди!..</p> <p>Я и теперь думаю так.</p> <p>Я иду умирать не от скуки, не от старости, не оттого, что надоела мне жизнь. Я очень хочу жить. Меня волнуют и эта вот ширь весенняя, и утренние и вечерние зори в затишье, и дальний полет журавлей, и лепет ручьев по овражкам... Я любовно обнимаю взглядом каждое облачко, каждый</p>	<p>Les larmes roulèrent sur les joues de ma femme.</p> <p>Elles contenaient le chagrin, l'amour et la souffrance, mais mes jambes ne tremblaient pas.</p> <p>Maintenant ma femme m'encourage :</p> <p>— Ne crains pas pour nous ; je suis endurante — je supporterai tout...</p> <p>Puis, une lettre de Seriojka.</p> <p>Il ne sait pas former les lettres, et il a mis un tas de petits bâtonnets, queues, crochets, boucles et un petit buisson hérissé sans feuillage.</p> <p>En dessous l'explication de la mère :</p> <p>— Comprends comme tu veux !...</p> <p>Je comprends les caractères de Seriojka.</p> <p>J'ai lu sa lettre la première fois au moment où nous allions à l'attaque, et ces bâtonnets et les petites queues me regardèrent avec des yeux chéris, encourageants. Je les embrassai furtivement, pour que les copains n'en rient pas et, ayant tâté mon fusil, je dis :</p> <p>— Va, père !</p> <p>Et à présent je pense de même.</p> <p>Je marche vers la mort non par ennui, non par sénilité, ni parce que j'ai assez de la vie. J'ai une forte envie de vivre. Je suis troublé et par ce large espace de printemps, et par les matins et les soirs pleins de calme, et par le vol lointain des cigognes, et par le murmure des ruisseaux dans les ravins. J'embrasse d'un regard plein d'amour</p>	<p>Ikuza kevo tcoreem ke kurenik tanamur.</p> <p>Va niga is rena is meja kevgir, voxen jinaf nimateem me skotcer.</p> <p>Re kurenik bristur : « Tove cin me crakel !! Tí ekesaf, nume en rutú...</p> <p>Azon va twa mal Seryojka.</p> <p>Ina va eltay me grusuter, va konaka peyama isu ault isu demi isu kenda is uulkirafa toiskafa amnama ezbayar.</p> <p>Isen valeveon pebura ke inafa gadikya : « Kagrupel inde djumel... »</p> <p>Va eltay ke Seryojka vangrupé.</p> <p>Va twa taneon al belí levida toz dilfuyuv, isen peyama is aultam kan abegaf bristus iteem va jin disukeyed. Va sin kutcayá, anyerkon enide palik me di kipegayad, aze geltayason va zelt, kaliyí :</p> <p>— Lanil, gadye !! Lanil !!...</p> <p>Ise re milinde trakú.</p> <p>Van xonuka laní, me nope arga, me nope guazuca, me larde va blira tabí. En djukublí. Zo skalté, dere gan bata imwugalafa darkapa, is gan kot vumeltapaf rielcek isu sielcek, is gan ilefa talara ke aladay, is gan prejara ke voama koe soist. Kan renapasa disukera va bet rujod isu luc dablú, ise van xonuka soe laní... Van xonuka acon</p>
---	--	---

кустик, и все-таки иду умирать... Иду навстречу смерти спокойно и твердо. Она летит ко мне в тяжелых артиллерийских снарядах, взрывающих талую землю, в частых винтовочных выстрелах, вспыхивающих синим дымком. Я вижу ее, выглядывающую из-под каждого кустика, из-под каждого бугорка, одетого сумраком вечера, и все-таки иду, не мотаясь...

Я иду умирать оттого, что хочу жить.

Я не знаю, как это сказать проще, другими словами, но, окруженный хохочущей смертью, не чувствую на себе холодных хватающих рук. Нет во мне ни страха, ни тоски, ни расслабленности. Не останавливают и глаза моих ребятишек. Вижу я их не заплаканными, а светлыми, улыбающимися, согретыми детской радостью, и мне очень тяжело представить светлые, улыбающиеся глаза такими же огорченными, какими были мои в далекое детство... Я не знаю, сколько слез выплакали мои глаза... не помню, чьи руки хватали меня за длинные волосы. Одно помню: глаза мои были невеселые, старые. Они не умели смеяться, не загорались и огнем детского веселья, не видели солнца, которое радует теперь...

Когда я родился, светлые, просторные комнаты были заняты другими, "счастливыми", и нам с матерью достался сырой подвальный угол. Мать была прачкой. Первое, что я увидел в углу у себя начинающими уже понимать глазами, это -

chaque petit nuage, chaque arbrisseau, et je marche quand même vers la mort... Je vais à la mort, fermement et calmement. Elle vole à ma rencontre dans les obus de l'artillerie, qui déchirent la terre dégelée et noircie, et dans les fréquents coups de feu, qui éclatent avec une petite fumée bleue. Je la vois, m'épiant derrière chaque monticule de terre tout enveloppé par la pénombre du soir, et je marche quand même sans hésiter.

Je marche à la mort parce que je veux vivre.

Je ne sais comment le dire plus simplement, avec d'autres mots, mais entouré par la mort riant aux éclats, je ne sens pas ses mains froides me saisir. Je n'ai ni peur, ni nostalgie, ni énervement. Même les yeux de mes gosses ne m'arrêtent pas. Je les vois non pas explorés, mais lumineux, souriants, chauffés par la joie enfantine, et il m'est très difficile de m'imaginer ces yeux clairs et souriants aussi affligés que les miens étaient dans mon enfance lointaine, je ne me rappelle pas quelles mains me saisissaient aux cheveux... Je me souviens et je sais une chose : mes yeux n'étaient pas gais ; des yeux vieux. Ils ne savaient pas rire, ils ne s'allumaient pas du feu de la joie enfantine, ils ne voyaient pas le soleil, qui me réjouit maintenant.

Lorsque je naquis, les pièces lumineuses et spacieuses étaient occupées par d'autres, par les « heureux » ; ma mère et moi n'avions qu'un coin humide de sous-sol. Ma mère était blanchisseuse. La première chose que je vis dans mon coin, de mes yeux qui commençaient à voir, ce furent des pantalons et des chemises mouillés,

is vumelton laní. Ina va jin kevtalar, remi yona gasizara ke kaburervolia sollipasa va bicayasa is tuebeltaweyesa tawa, is remi viltara roidasa ton faltaf vikizam. Va ina wí, i va ina ulijdasa kaku koto tawajuro koe sielorika, ise soe meklabuson vanlaní.

Van xonuka laní kire djukublí.

Me grupé inde kan ara ewa lodopelon rokalí, voxe tigison wale kalkipesa xonuka, va inaf fentaf nubeem konaris me pestalé. Me vudé meie beviá meie zidé. Dace iteem ke jinaf nazbeikeem va jin me azavzad. Wickí da tid afif is kices is tuidulan gan rumeafa daava vols boresaf, nume wavdapon gestí da bat aftaf iteem co tid vanmanan lion dam tel jinaf remi sumif rumeugal, va tel nubeem konaris va jin ben usuk me setiké... Setiké ise va koncoba grupé : jinaf iteem me tiyir itupaf ; i guazaf iteem. Me grukipeyer, ton tey ke rumeafa daava me teyeyer, va awalt re felbes va jin me wiyir.

Viele kobliyí, afifa olkobapa gan artan zo kereleyed, i gan « blovik »; gadikya is jin va abdaf rink koe fukot anton dadiyiv. Gadya tiyir va getcatesik. Jinafa taneafa coba wiyina ba itafenkura koe rink tiyir to yona abdafa rija bene wazdel isu klaim. Va awalt, rion wiyí, inafa olya rem azilaf oblayeem ke toloy dilk nemon anjeyed.

<p>мокрые штаны и рубахи, развешенные на веревках. Солнышко видел редко. Отца совсем не видал.</p> <p>Может быть, это был подвальный сапожник.</p> <p>Может быть, тихий, богобоязненный старичок из купцов, зажигающий вечернюю лампаду.</p> <p>А может быть, пьяный угрюмый чиновник.</p> <p>Мать пила.</p> <p>В угол к ней приходили солдаты, крючники, ломовые извозчики в разорванных рубахах, бродяги, карманники. Иногда били, как бьют обессиленную лошадь, иногда напаивали до потери сознания, и тупо, бессмысленно валили на кровать, не стесняясь меня...</p> <p>Мы были "несчастные".</p> <p>Мать так и говорила мне:</p> <p>— Несчастные мы с тобой, Васька. Умри... сынок!</p> <p>Но я не умер.</p> <p>Я пошел по людям. Не было у меня ни любви, ни ласки, ни теплого взгляда. Рос по-щенячьи: ударят - поплачу, поглядят - улыбнусь. Я не знал тогда, почему мы - несчастные, а другие - счастливые, часто смотрел старыми, невеселыми глазами в</p>	<p>pendus à des cordes. Le soleil, je le voyais rarement, ses rayons se faufilaient à peine à travers les barreaux en fer des deux fenêtres. Mon père, je ne l'ai jamais vu.</p> <p>Peut-être était-ce un cordonnier de sous-sol.</p> <p>Peut-être était-ce un petit vieux doux et pieux, d'origine marchande, qui allumait la petite lampe du soir.</p> <p>Et peut-être un fonctionnaire ivre, au visage couperosé...</p> <p>Ma mère buvait.</p> <p>Dans son coin, venaient la voir, pendant les nuits, des soldats, des portefaix, des charretiers en chemise déchirée, des vagabonds, des voleurs à la tire. Parfois, ils la battaient, comme on bat un cheval exténué ; parfois ils la soûlaient jusqu'à perte de conscience et la culbutaient sur le lit, d'une manière absurde et obtuse, sans se gêner devant moi...</p> <p>Nous étions « les malheureux ».</p> <p>Ma mère me le disait même ainsi :</p> <p>— Nous sommes toi et moi, les « malheureux », Vasska, meurs... petit-fils !</p> <p>Mais je ne suis pas mort.</p> <p>Je suis entré dans le monde des hommes. Je n'ai eu ni amour, ni caresse, ni un regard chaud. Et c'est ainsi que je grandis, comme un chiot : on me frappait — je pleurais ; on me caressait — je souriais. Je ne savais pas en ce temps-là pourquoi nous étions les « malheureux » et les</p>	<p>Va jinafe gadikye, somewiyí.</p> <p>Rotir ine tiyir vukudiasik ke fukot.</p> <p>Rotir tiyir bate zijnafa is lorbafa dolekikafe guazye giturunkase va gumam ba siel.</p> <p>Oke rotir kon izakaf flibik dem keramafa gexata.</p> <p>Gadya sokuliyir.</p> <p>Bak miel, sayakik ik buresik ik edavik dem sollipayan klaim ik gondulesik ik ucomdubiesik va ina koe rink gikevlaniyid. Dile alieyed, milinde ciondan okol zo sokalier ; dile tugrijayad vieli ina krezer aze moe ilava tramkeyed, solovon is avinkon, mevusteson va jin...</p> <p>Tiyiv « copik ».</p> <p>Gadya pu jin dace kaliyir :</p> <p>— Rin is jin tiv copik, Vaska. Awalkel !!! nazbeye !</p> <p>Voxen me al awalké.</p> <p>Den korafa tamava al kofí. Va meka rena mei santa mei idulafa disukera al kazawá. Nume batinde dum vakoloc al atrí : kotviele zo alieyé pune ikuzeyé ; kotviele zo santayá pune kiceyé. Banugale me grupéyé dume tiyiv « copik » ise dume artan tiyid « blovik ». Va faltaf is ontinaf kelt fereon disukéyé, kan guazaf is meitupaf</p>
--	--	--

голубое высокое небо. Мне говорили, что там сидит добрый боженька, устраивающий жизнь людям. Стоит попросить его - и он поможет. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь устроил нашу жизнь, и я молитвенно смотрел в голубое, высокое небо.

Боженька не отвечал. Не видел моих старых заплаканных глаз...

Учила меня сама жизнь, она раскрыла передо мной такие непреложные истины, что, поняв и осмыслив их, я уже перестал молиться. Стало мне ясно, что мы с матерью не зря посажены в подвальный угол и не волей отдельного человека, а волей тех, кто занял вверху над нами светлые, просторные комнаты, освещенные солнцем и огнем электричества. Волей целого класса, ради которого тысячи других людей должны позвериному пачкаться в слякоти темных подвальных углов...

Понял я и мать, которую били по зубам, и ту роковую причину, которая заставляла ее ложиться с "друзьями" при мне. В трезвых глазах у нее я видел такую скорбь, такую материнскую улыбку, что сердце мое наливалось любовью и жалостью. Она была молодой и красивой, но нищета и бесправье повели ее на улицу под негреющий свет фонарей.

autres les « heureux ». Je regardais souvent le ciel bleu et haut, de mes yeux vieux et pas gais. On me disait qu'un bon Dieu y était assis, qui organisait la vie des hommes. « Il n'y a qu'à lui demander et il aidera. » J'avais fort envie que quelqu'un organise notre vie, et je regardais pieusement le ciel profond et haut.

Le bon Dieu ne répondait pas. Le bon Dieu ne voyait pas mes yeux éplorés.

C'est la vie elle-même qui me donna des leçons. Elle ouvrit devant moi des vérités immuables que, les ayant pénétrées et comprises, je cessai de prier. Il me devient clair que je fus mis avec ma mère dans ce coin de sous-sol, non pas par hasard, ni par la volonté d'un seul homme, mais par la volonté de cent qui voulaient occuper les pièces claires et spacieuses illuminées par le soleil et la lumière électrique. Par la volonté de toute une classe d'hommes pour lesquels des milliers d'autres hommes doivent comme des bêtes, se salir dans l'atmosphère humide des coins sombres des sous-sols...

J'avais compris aussi ma mère, à qui l'on cognait sur la tête, et aussi la cause qui l'obligeait à se coucher avec des « petits amis » en ma présence. Dans ses yeux sombres, je voyais un chagrin profond et sans larmes et un si bon sourire maternel, que mon cœur se gonfle d'amour et de pitié pour elle. Mais parce qu'elle était jeune et belle — la misère et l'injustice l'avaient conduite dans la rue, sous la lumière des lanternes, qui ne chauffent pas. Et par la suite, battue par les « petits amis » elle avait maintes fois maudit la vie, la jeunesse et elle-même...

iteem. Mbi gikalíyí da lorikany debanyeyer ise va bli ke ayikeem grustayar. « Eruckut numen in pomatar. » Djumepeyé da kontan va cinafa blira di grustayar, nume va aludevaf is ontinaf kelt lorbon gidisukyé.

Lorikany me dulzeyer. Va jinaf ikuzas iteem me wiyir...

Bli va jin miv di prujneyer. Va yona belikafa ageltaca lenton fenkuyur, numen koswavason is gildason, pune non blikeyé. Afta ve dur, do gadya ko bat rink ke fukot al zo plekuyú, nope volto xuye ik kuranira ke tanoy ayik, vox to kuranira ke decemoy djukereles va aftafa olkobapa tuafiana gan awalt ik afilum. Nope kuranira ke varafa ayafa pula malyedasa da datar ayik dum bonol koe abdaf alpoz ke dat orikaf rink ke fukot gotuzionawed...

Va gadya dem tanilena taka dere ve gildayá, is va nekira gonorenarusa va « dawarik » nekev jin tigus. Ko inaf orikaf iteem va meikuzasa nigapa is gadafa kicegaranya wiyí eke jinafa takra gu rena is sa mu ina deewer. Kiren ina tiyir jotafa is listafa ; copuca is memalyuca ko nuda valeve afi ke metuidulasa gumka al stayad. Isen azon, sokalien gan « dawarik », va blira is jotugal is int jontikviele rotapsayar...

Многое я понял.

А самое главное - вот что я понял: живу я в этом мире, богатом красотой и роскошью, как наемник, как здоровый, услужливый пес, подбирающий крошки. Я начал работать с семи лет, работаю ежедневно, и все-таки я - нищий, помойный отброс. Жизнь моя устроена так скверно и обидно, что, если у меня ослабнут руки и не выдержит надорванная грудь, меня за негодностью выбросят, как сор из избы... Я, вырабатывающий ценности, совершенно не имею никакой ценности как человек, и те хозяева, которые распоряжаются моими рабочими мускулами, опозорят и меня, прикованного к постели, и детей моих, выгнанных на городскую бездушную улицу.

И теперь вот, когда я с улыбкой смотрю на Сerezкины палочки с хвостиками, моя любовь к нему, не мотая, ведет меня под ружьем... Моя любовь к опозоренной матери укрепляет усталые ноги... Мне страшно представить Сerezку таким же щенком, каким был и я, таким же наемником, продающим здоровые мускулы рук. Страшно подумать и о маленькой Нюське с голубенькой ленточкой в золотых перепутанных волосах.

При одной мысли, что дочь моя вместо светлой улыбки скривит, перекусит тонкие, побледневшие губы и, совестливо потупив глаза, неверными шагами выйдет вечером под негреющий свет фонарей - при одной мысли об этом сердце мое рвется на части...

J'avais compris beaucoup de choses.

Et surtout, voilà ce que j'avais compris : je vivais dans cet univers, riche de beauté et de splendeurs, non pas comme un maître, mais comme un mercenaire, comme un chien solide et serviable qui ramasse des miettes. J'ai commencé à travailler à 7 ans, j'ai travaillé tous les jours, et je suis quand même un pauvre, un relent de ringures. Ma vie est ainsi faite, que si mes bras devenaient débiles et si ma poitrine terrassée n'était plus capable d'un effort, on me jetterait dehors comme une inutilité, comme une ordure d'une isba. Moi qui crée des valeurs, je n'ai absolument aucune valeur en tant qu'homme, et ces maîtres qui se servent de mes muscles d'ouvrier, me couvriront de honte, moi cloué au lit ainsi que mes enfants, chassés dans les rues sans cœur de la ville...

Et voilà, maintenant, lorsque je regarde avec un sourire les bâtonnets et les petites queues de la lettre de Seriojka, mon amour pour lui me conduit sous le fusil, sans hésitation. Mon amour pour ma mère honnie, raffermi mes jambes fatiguées. J'ai peur de m'imaginer Seriojka devenant le même chiot que je fus, moi, le même mercenaire qui vend les muscles sains de ses bras. J'ai peur de penser à la petite Nionschka avec son petit ruban bleu dans les cheveux emmêlés, couleur or.

À la pensée seule que ma fille changerait son sourire lumineux en grimaces, se mordrait ses lèvres fines pâlies, et, les yeux honteusement baissés, sortant le soir d'un pas indécis sous la lumière froide des lanternes ; à la pensée seule que le regard lubrique d'un fainéant blasé la conduisait derrière lui, elle qui est née dans un

Va jontikcoba ve gildayá.

Ise va to batcoba loeke ve gildayá : koe bate tame kulafe gu listuca is wafuca, me dum felisik vols erbudik bliyí, i dum delaf is agralaf okol tredus va kelk. Ba perda toz kobayá, kotvielon al kobá, neke tí wawik, i copik. Jinafa blira tickir da, ede jinaf meem co tuodayawer isen agvundun ast mea co lasugaskir, pune dum mefavlik co zo divimpá, i dum dorita ke renga. Jin sovedus va voda, tí vas mekafa voda wetce ayik, numen bat felisik malsaves va jinaf dodelaf relteem, va jin tukinokatad, va to jin elekan moe ilava, is va jinaf nazbeikeem aloyan ko takriskafa nuda ke widava...

Isen kle, re, viele va peyama is aultam ke twa ke Seryojka kiceson disuké, pune jinafa renara va ina, va jin meklabus lev zelt star. Jinafa renara va ilkaden gadikya va jinaf cues nimateem tuacar. Va Seryojka vanpisa va mil vakoloc vol djupogestí milinde jin tiyí mil erbudik doles va galaf marelteem. Va Nyuska velya dem keltukafa vinotcama koe kograf moavukaf usuk vol djupotrakú.

Anton trakuson da nazbeya va afife kice gu koneja co betar, ise va gemaf is zawaf kutceem co talgar, ise kinokon co itomar, konsielon divlanison lev fentafi afi ke gumka ; anton trakuson da mimbafa disukera ke brunaf vungik va ina kadimeon star, i va ina kobliyisa koe fukot, anton trakuson va mancoba, pune jinafa takra sollipawer... Va zelt feken van int me wí, va

Я не вижу винтовок, выставленных против меня, не слышу, как рвутся снаряды. Я стискиваю зубы, падаю, ползу, снова вскакиваю, бросаюсь вперед... Нет смерти... Нет и внешнего убаюкивающего солнышка... В душе - другая весна... Полон молодости, неудержимого порыва, слышу я не весенний голос природы, а голос своей матери:

— Иди, сынок!.. Иди!..

Я хочу жить. А для этого должен отстрелять солнечные дни для себя, для Сережки с Нюской и для тех, кто не видит их старыми проплаканными глазами...

У меня прострелена одна рука, но это не последняя жертва. Мне придется или совсем лечь, на талых просыхающих полях, или вернуться домой победителем.

Другого пути нет... А я хочу жить.

Хочу, чтобы жили и радовались Сережка с Нюской, чтобы жил и радовался весь наш квартал, выгнанный "верхними" людьми на помойки...

И оттого, что я хочу жить, оттого, что нет иного пути сделать это проще и легче, - любовь моя к жизни ведет меня в бой.

Долог мой путь.

Не один раз меня встретят утренние и вечерние зори в степях, но грусть моя светлая, укрепляющая.

sous-sol, à la seule pensée de cela — mon cœur se déchire... Je ne vois pas les fusils braqués sur moi, je n'entends pas l'explosion des obus. Je serre les dents, je tombe, je rampe, je bondis à nouveau, je me lance en avant. Il n'y a pas de mort ! Il n'y a pas de soleil printanier qui berce !... Plein de jeunesse, d'un élan irrésistible, j'entends non pas la voix printanière de la nature, mais celle de ma mère :

— Va, mon petit fils, va !

Je ne sens qu'une seule chose : Je veux vivre ! Et pour cela je dois tirer des coups de feu pour obtenir les jours printaniers et ensoleillés pour moi, pour Seriojka et Nionschka et pour tous ceux qui regardent le printemps avec des yeux vieux vidés par les pleurs.

J'ai un bras troué par une balle, mais ce n'est pas le dernier sacrifice. Je resterai couché tout à fait sur les champs dégelés et séchés ou je reviendrai à la maison en vainqueur.

Il n'existe pas d'autre voie.

Et moi, je veux vivre. Je veux que Seriojka et Nionschka vivent et se réjouissent, que vive et se réjouisse tout notre quartier maintenu dans la crasse par les gens « d'au-dessus »...

Et parce que je veux vivre, parce qu'il n'existe pas d'autre moyen de faire cela plus simplement et plus facilement — mon amour pour la vie me conduit à la bataille.

Ma voie est longue.

Les aurores du matin et soir me verront plus d'une fois encore dans les steppes, mais ma tristesse est lumineuse, encourageante...

divroidara ke gasiza me gildé. Talgalicá, lubé, terigé, gin welvé, ipé... Me awalk ! Me kovdas imwugalaf awalt !... Kotraf gu jotuca, ton merotacagina ongira, va imwugalafa puda ke tuwava vols tela ke gadya me gildé :

— Lanil nazbeye !... Lanil !...

Djukublí. Nume ta batcoba goviltá enide va imwugalaf is awalkiraf viel mu jin is Seryojka is Nyuska is kottan disukes va imwugal kan guazaf iteem tuvlandan gan ikuza seotatá.

Jinafa ma gan vilt su zo fer, voxen batcoba me tir bocafa wetara. Ont moe bicayasa is turodaweyesa taya dun senyeté, ont ton cenesik dimdenlanití.

Ara joya sometir... Isen djukublí.

Kuraní da Seryojka is Nyuska di blid ise di wived, da cinafa varafa revava gusaljana gan « vamoik » di blir...

Isen larde djukublí, larde ar mergil lodopelon ik lodrikon ronovaskis somekrulder, pune jinafa renara va bli van meldara sostar.

Joya sotir portapafa.

Vanawalt ke gazda va jin koe rijust jontikviele wan witir, voxen jinafa gabentuca tir afifa, tubudasa...

Это - мой путь.

C'est ma vie.

To jinafa blira.